

Научная статья

УДК: 81

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-109-122

Персонификация в социально-психологической прозе М. Ю. Лермонтова

Евгения Анатольевна Соловьева

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

e_rossignol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8796-6059>

Аннотация

Персонификация – это сложный и многофункциональный феномен, который понимается в широкой интерпретации данного термина как наделение неодушевленных объектов или абстрактных понятий свойствами живых существ. Персонификация является достаточно частым, но не полностью исследованным средством художественной выразительности, что, в частности, относится к прозаическим произведениям М. Ю. Лермонтова. Наряду с этим выявление и объективация индивидуальной составляющей художественного текста представляют важный аспект не только литературоведческих, но и транслатологических исследований. Перечисленные положения определяют актуальность настоящей публикации, целью которой стало описание и функциональный анализ персонификации в социально-психологической прозе М. Ю. Лермонтова. Эмпирический корпус составили три основных произведения социально-психологической направленности: «Вадим» (1832–1834); «Княгиня Лиговская» (1836–1837) и «Герой нашего времени» (1838–1840), написанные в разные годы жизни поэта и отражающие этапы формирования его творческой идентичности. Очерк «Кавказец» (1841) послужил источником дополнительного иллюстративного материала, так как ввиду своей краткости он не может быть использован для получения значимых данных для отдельного количественного анализа. Исследование реализовано в русле дескриптивной методологии с привлечением семантического, контекстуального, количественного и функционального видов анализа. Единицей исследования служит ключевой лексический элемент (КЛЭ), позволяющий во взаимосвязи со своим референтом категоризировать и идентифицировать персонифицирующее переосмысление. Проведенное исследование позволило описать основные структурно-семантические особенности персонификации в прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова, а также выявить основные функции персонифицирующих актуализаций в исследуемых текстах. Работа систематизирует сведения о роли персонификации в лермонтовской прозе, а также подчеркивает целесообразность дальнейших исследований образных средств в построении внутренней структуры художественных текстов.

Ключевые слова

персонификация, функции персонификации, проза М.Ю. Лермонтова, индивидуальный стиль автора, образные средства

Для цитирования

Соловьева Е. А. Персонификация в социально-психологической прозе М. Ю. Лермонтова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 109–122. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-109-122

Personification in the Socio-Psychological Prose of Mikhail Lermontov

Evgeniya A. Solovyeva

Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation

e_rossignol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8796-6059>

Abstract

Personification belongs to one of the fairly frequently used figurative devices, but it still has to be explored. In particular, this refers to Mikhail Lermontov's prose. Along with that, the identification and objectification of the author's style is important for literary criticism and translation studies. Within the broad frame of the term, personification can be interpreted as giving an inanimate object or a purely abstract thing the characteristics of an animate being, endowed with feeling and life. The present paper focuses on the description and functional analysis of personification in Lermontovian socio-psychological prose. The database built for this scrutiny contains three Lermontov's novels written at different periods of his literary life: "Vadim" (1832–1834), "Princess Ligovskaya" (1836–1837) and "A Hero of Our Time". Because of its brevity, the essay "The Caucasian" (1841) serves as a source of additional illustrative material. A descriptive and functional analysis employs semantic, contextual and quantitative methods. A unit of observation is the "key lexical item" that, in conjunction with the referent, allows us to identify and categorize personification. The paper describes the main structural and semantic features of personification and investigates its principal functions in Lermontov's texts. In particular, it has been shown that examples of personification in the novel make a kind of network designed to create a literary space focused on Nature and Man as an integral element of the earthly world. Furthermore, the current study demonstrates that personification accomplishes five basic functions in Lermontov's prose: figurative, aesthetic, ludic, intertextual, and compositional. The undertaken study contributes to systematizing numerous examples of personification in Lermontov's prose, and emphasizes the importance of further research aimed to clarify the impact of figurative devices on the internal architectonics of literary texts.

Key words

personification, functions of personification, Mikhail Lermontov's prose, author's individual style, figurative devices

For citation

Solovyeva, E. A. Personification in the Socio-Psychological Prose of Mikhail Lermontov. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 109–122. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-109-122

Введение

Художественное творчество возникает вследствие эстетического познания действительности, несущего в себе рациональную и чувственную составляющие. Эстетическое чувство имманентно человеческому разуму и непосредственно связано с ассоциативно-образным мышлением, одним из ярких проявлений которого является персонификация – сложный и многофункциональный феномен, определяемый в широком понимании термина как наделение неодушевленных объектов или абстрактных понятий свойствами живых существ (см., например, [Fontanier, 1977, с. 108]).

Будучи использованной для выражения абстрактных идей в виде обособленных символических образов, персонификация служит, в частности, для создания аллегорий [Chapin, 1955]. Однако вопрос окончательного разграничения персонификации и аллегии остается неразрешенным. Наряду с этим в рамках когнитивной лингвистики персонификация рассматривается как разновидность концептуальной метафоры – важнейшего ментального механизма познания, находящего свое выражение в языке в виде метафорических выражений [Lakoff, Johnson, 1980, p. 34; Lakoff, 1993, pp. 231–233], и мы данную позицию разделяем. Персонификация укоренена в человеческом сознании, она является «привычной формой духовной деятельности», тесно связанной с проявлением игровой составляющей бытия [Хёйзинга, 2011, с. 200].

В художественном тексте персонификация выступает традиционным средством образной выразительности, однако ее функции, равно как и изобразительные эффекты, относительно редко становятся предметом подробного научного изучения [Melion, Ramakers, 2016, pp. 1–2;

Nishimura, 2014, p. 90]. Это, в частности, касается поэтики прозы М. Ю. Лермонтова, творчество которого развивалось в «промежуточную эпоху» [Михайлова, 1957, с. 23] на фоне усиливающегося кризиса социальных отношений, когда в Западной Европе приоритетами наступающей новой эстетической реальности становился человек, достоверно изображаемый во всем многообразии своих социальных связей, психологических и культурных особенностей. Однако идеалы уходящего романтического прошлого с его приверженностью к чувственности и абсолютизации противоречия индивида и общества в контексте несовершенного мира и во второй половине XIX столетия оставались очень близки многим русским писателям.

Литературоведы часто отмечают, что художественный стиль лермонтовской прозы постоянно эволюционировал, сочетая в себе элементы лирической поэтики, заметную метафоричность повествования, «неистовость» и прямолинейность романтического протеста, аналитический психологизм, многоракурсность и полифонию зарождающегося реалистического романа [Перльмуттер, 1941; Маркович, 1982; Москвин 2019]. Поэтому место творчества М. Ю. Лермонтова в терминах литературных школ и направлений определяется по-разному: одни рассматривают поэта как представителя постромантизма периода «культурного перехода» [Allen, 2007], другие же видят в нем мастера индивидуального психофизиологического портрета и основоположника русской психологической литературы [Виноградов, 1941, с. 557; Rubins, 2015, p. 172].

Целью настоящей работы стало описание персонификации и выявление ее функций в прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова, имеющих социально-психологическую составляющую. Исследование данного направления представляется перспективным, поскольку использование образных средств для достижения определенных эстетических целей можно рассматривать как существенный элемент авторского стиля [Bally, 1919, p. 19]. В свою очередь объективация индивидуальной, «авторской» компоненты художественного текста представляет важный аспект не только литературоведческих исследований, но и переводоведения.

Практическую базу составили три основных прозаических произведения М. Ю. Лермонтова: «Вадим» (1832–1834); «Княгиня Лиговская» (1836–1837); «Герой нашего времени» (1838–1840)¹, написанные в разные годы жизни поэта и отражающие этапы формирования его творческой идентичности. Очерк «Кавказец» (1841) привлекался в качестве дополнительного иллюстративного материала, поскольку ввиду краткости он не может служить источником релевантных данных для отдельного количественного анализа. Несмотря на имеющиеся различия и смешение жанровых и стилевых тенденций, перечисленные произведения содержат заметные элементы психологических портретов героев и реалистичного отражения некоторых актуальных социальных проблем [Виноградов, 1941], что позволяет отнести их к категории социально-психологической прозы, которая как жанр находилась в то время на этапе формирования. Функциональное исследование выполнено в рамках дескриптивной методологии в сочетании с семантическим, контекстуальным и количественным анализом. Языковые единицы отобраны методом сплошной выборки.

1. Персонификация как элемент лермонтовской прозы

Создаваемые автором персонифицирующие переосмысления не только разнообразны, но и обладают в ряде случаев определенной композиционной сложностью, поскольку затрагивают в пределах отдельной фразы различные референты и вступают в семантические отношения с другими тропеическими средствами. Так, фрагмент «*ржавчина грызет железо, а сердце 18-летней девушки так мягко, так нежно, так чисто, что каждое дыхание досады туманит его, как стекло, каждое прикосновение судьбы оставляет на нем глубокие следы, как бедный*

¹ Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т.; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом). Т. 6. Проза. Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. (Далее – Лермонтов М. Ю. Т. 6.)

пешеход оставляет свой след на золотистом дне ручья»² содержит три персонифицирующих актуализации: обыденного химического явления *ржавчины*, человеческой эмоции досады и абстрактной культурной категории *судьбы*, которые, переплетаясь с эпитетами, анафорой и сравнениями, образуют достаточно сложный романтический образ сестры Вадима. А во фразе «Толпа разных мыслей осаждала ум Печорина»³ продукт человеческого разума претерпевает двойную персонификацию: первая уподобляет *мысль* скоплению людей, а вторая наделяет ее способностью к осознанному действию. Соответственно, языковые единицы *грызет*, *дыхание*, *оставляет следы*, *толпа* и *осаждала* являются ключевыми лексическими элементами (далее – КЛЭ), которые во взаимосвязи со своими референтами позволяют идентифицировать и категоризировать сравнение или метафору (см. [Соловьева, 2022, с. 125–126]). Суммарно полученный нами эмпирический корпус составили 439 КЛЭ, выявленные в трех анализируемых произведениях. В морфологическом аспекте, большинство полученных нами КЛЭ представлено глаголом и его дериватами, причем преобладание этих форм отмечается во всех исследуемых текстах.

Выявленные персонифицирующие актуализации обладают различной способностью к эстетическому воздействию, однако даже «клишированные» переосмысления передают живость мировосприятия автора и выступают неотъемлемым компонентом художественной реальности. В частности, такие узуальные глагольные обороты, как «луна *подымалась*»; «солнце *садилося*»; «*поднялся* туман»; «лучи <...> солнца *играли*»; «на север *поднимается* Машук»; «*тучки* быстро *бежали*»; «*пошел* мелкий дождь» и т. д. за счет своей внутренней формы придают дополнительную динамику повествованию.

Кроме того, подвергаясь творческой модификации, узуальные персонификации служат необходимой частью художественного образа. Так, во фразе «и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных *ручьев*, которые, <...> *бегут дружно взапуски*»⁴, сочетание лексем *бегут* и *ручьи* формирует привычный оборот языка художественной литературы. Однако его наложение на выражение разговорного регистра *бегать взапуски* заимствованного из лексикона детских и юношеских игр, порождает неожиданный образ (*бежать дружно взапуски*), в котором объект неживой природы получает еще одну дополнительную эмоциональную характеристику за счет форманта *дружно*. Данный факт наглядно свидетельствует о том, что, подобно другим идиоматическим выражениям, узуальные персонификации, входящие в состав устойчивых словосочетаний, могут отражать лингвокреативность автора (см. [Зыкова, Киосе, 2021]).

С другой стороны, адаптируя критерий относительной частотности единицы, применяемый некоторыми исследователями для оценки плотности метафор в различных текстах (см. [Калинин, 2014; Landtsheer, 2009]), можно отметить, что, по данным нашей выборки, относительная частотность персонифицирующих актуализаций варьируется примерно в следующих пределах: «Вадим» – 4,4 КЛЭ на 1 000 слов текста; «Герой нашего времени» – 4,5 КЛЭ; «Княгиня Лиговская» – 5,8 КЛЭ. Этот факт позволяет рассматривать использование персонификации как устойчиво воспроизводимую черту прозаического стиля автора.

В качестве дополнительной иллюстрации приведем очерк «Кавказец», в котором простота изложения и реалистичность мировидения М. Ю. Лермонтова достигают, по оценке литературоведов, своей кульминации (см., например, [Михайлова, 1957, с. 288–289]). Несмотря на краткость очерка и заметную скудость тропических средств, персонификация оказывается одним из приемов, используемых для создания образа кавказского офицера. Прочитаем в качестве

² Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 90.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 307.

примеров: «наклонность <...> берет над ним перевес»; «а если судьба и обременит»; «эта страсть родилась вот каким образом»; «у него завелась шашка»⁵ и т. д.

Наряду с этим референциальная соотнесенность персонификации отличается определенным разнообразием. Если в «Вадиме» и в «Герое нашего времени» примерно 70 % выявленных КЛЭ соотносятся практически в равных пропорциях с природным миром и человеком, то в «Княгине Лиговской» доминирующим референтом оказывается человек, с которым связано около половины всех КЛЭ, обнаруженных в романе. Будучи сосредоточенной на человеке, персонификация используется для актуализации частей его тела и психоэмоциональных проявлений личности. Помимо этого, персонификации подвергаются абстрактные понятия, а также реалии быта и окружающего мира, связанные с деятельностью человека. Так, например, во фразе «а маленькая ножка, показываясь по временам, *обещала* тайные совершенства»⁶, персонификация части тела, реализуемая за счет глаголов самостоятельного действия, привлекает внимание к внешности героини, привнося элемент чувственности и заставляя читателя домыслить описываемый образ.

В целом полученные нами соотношения могут быть объяснены как общей направленностью произведений, так и местом их действия. В частности, преимущественно городской топоним романа «Княгиня Лиговская» обуславливает ограниченность описаний окружающей природы.

2. Функции персонификации в прозе М. Ю. Лермонтова

Благодаря своей выразительности и запоминаемости, персонификация обладает заметным функциональным потенциалом. Как показывают наблюдения, персонифицирующие переосмысления зачастую служат одновременному достижению различных целей. Однако ведущей функцией, несомненно, является **фигуративная** (образная) функция, которая позволяет автору создавать рельефную художественную реальность в соответствии со своим творческим замыслом. Так, например, во фразах 1) «*глаза* ее беспокойно бегали кругом, *стараясь открыть* хоть еще одно знакомое лицо... и *упали* на Лизавету Николавну»⁷ и 2) «*рука* ее без цели бродила по столу»⁸, смещение фокуса на части тела человека дает возможность получить подвижное, разноракурсное изображение героини и подчеркнуть их эмоциональное состояние. Аналогичным целям служит и персонификация психоэмоциональных проявлений человеческой личности: «И тогда в груди моей *родилось отчаянье*, – не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета, но холодное, *бессильное*, отчаянье»⁹. В приведенном фрагменте человеческая эмоция отчаяния подвергается персонификации за счет КЛЭ *родилось* и *бессильное*, которые связаны с референтом на основе прямой ассоциативной связи. Кроме того, текстоформа *лечат*, восходящая к медицинскому вокабуляру и отражающая в приведенном контексте привычное, повторяющееся действие, позволяет дополнительно переосмыслить чувство отчаяния как некоторую болезнь. Совокупность перечисленных приемов помогает автору сформировать достаточно сложный художественный образ представителя дворянского общества 30–40-х годов XIX столетия. В этой связи небезынтересно отметить, что обращение к лексикону некоторых профессий может служить эффективным средством создания художественной реальности и передачи социо-культурных отношений, свойственных эпохе (см., например, [Савина, 2021]).

Следует отметить, что лексема *душа*, которая входит в тысячу наиболее употребительных слов языка М. Ю. Лермонтова [ЧСЯЛ, 1981, с. 762] и часто используется им для актуализации квинтэссенции личности и поступков конкретных персонажей, имеет неравномерную частотность в рассматриваемых произведениях. В частности, в «Вадиме» относительная ча-

⁵ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 348–351.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 188.

⁸ Там же. С. 257.

⁹ Там же. С. 297.

стотность ее использования составляет примерно 2,3 употребления на 1 000 слов; в «Герое нашего времени» – около 1,1 употребления, а в «Княгине Лиговской» она находится в пределах 0,8. Однако в целом лексема *душа* выступает референтом для почти 9 % всех выявленных нами КЛЭ, а полученная динамика ее использования в анализируемых текстах согласуется с совокупным распределением частотности данной лексемы в зависимости от периода творчества М. Ю. Лермонтова [ЧСЯЛ 1981, с. 767].

Прочитаем в качестве примеров: 1) «Я [Печорин], как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его *душа сжилась* с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится»¹⁰; 2) «она [Ольга] имела *сильную душу*, которая *не заботилась* о неизбежном, и по крайней мере *хотела жить* – пока жизнь светла»¹¹.

Наделяя душу героев способностью к различным чувствам, желаниям и действиям, автор имплицитно подчеркивает взаимопроникновение и перманентное присутствие небесного в земном, что, возможно, является отражением его мировоззренческих ориентиров. Данное наблюдение отчасти согласуется с мнением исследователей, которые при всем их разнообразном отношении к Лермонтову рассматривают поэта как выразителя некоторой «мистической религиозности», способного ощущать «объективную реальность “иного мира”» [Бицилли 1996, с. 475–476] и в котором «религиозное чувство никогда не умирало» [Соловьев 1991, с. 395].

Следующая по значимости функция персонификации, тесно связанная с предыдущей, – *эстетическая*. Персонифицирующие актуализации усиливают эмоциональное воздействие текста, вызывая у читателя эстетические переживания. Особенно это касается описаний природы: «*Ветки цветущих черешен смотрят* мне в окна, и *ветер* иногда *усыпает* мой письменный стол их белыми лепестками»¹². Глагольная персонификация веток фруктового дерева и ветра позволяет представить референты крупным планом и почти осязаемо передать благоухающую свежесть весеннего сада.

Наряду с этим пейзаж в лермонтовской прозе зачастую приобретает символическое значение, он отражает эмоции героев и предвещает грядущие события [Виноградов, 1941, с. 567]. Наши наблюдения свидетельствуют, что персонификация играет в этом определенную роль. Так, во фразе «*мшистые зубцы скал, сброшенных грозою и временем, ожидали* своей *добычи*»¹³ уподобление острых скальных выступов хищным животным предвосхищает фатальный финал дуэли Печорина с Грушницким, а косвенная персонификация времени и бури, которые наделяются способностью сбрасывать тяжелые камни, не только эстетизирует реальность, но и служит коннотативным напоминанием о бренности и непрочности земной жизни человека. В другом примере «а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лес: казалось, *мрак* черными своими *очами* *выглядывал* из-под каждой ветви»¹⁴ персонификация *мрака* усиливает неопределенность и напряженность момента, передавая чувства Юрия, который в тревоге скачет по пустынной, ставшей опасной во время пугачевских волнений дороге. Дополнительно отметим, что упоминание лешего формирует заметную затекстовую референцию с народными сказками, где архетипические образы смерти и неизвестности зачастую эксплицируются посредством обращения к образу губительного, мрачного леса. Кроме того, эта фольклорная референция театрализует создаваемую автором художественную реальность.

В последние десятилетия внимание исследователей все более привлекает изучение игрового начала в лермонтовской прозе, анализ которого дает возможность проследить эволюцию поведения персонажей, обнаружить их жанрово-тематическую и социально-антропологическую обусловленность [Зотов, Ефимов, 2008, с. 18]. Нельзя не согласиться с тем, что театра-

¹⁰ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 338.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 261.

¹³ Там же. С. 327.

¹⁴ Там же. С. 82.

лизированное поведение является составляющей взаимоотношений и мировосприятия героев М. Ю. Лермонтова как представителей социальной среды XIX в., которой была свойственна заметная кодификация межличностного взаимодействия. С другой стороны, присутствие в произведениях игрового начала может быть отчасти обусловлено влиянием философии романтизма, главенствующим конфликтом которого было, по мнению исследователей, противопоставление несовершенной материальной реальности ее идеализированному и несколько театрализованному романтическому образу [Исупов 2015, с. 93–94, Хейзинга, 2011, с. 262–263].

В языковом плане одним из инструментов создания игрового измерения исследуемых произведений выступает персонализация. В этом проявляется ее **люди́ческая** функция. Так, упомянутое выше одушевление «мшистых зубцов скал» служит декорацией к сцене «предрешенной» дуэли Печорина с Грушницким, имеющей в свою очередь затекстовые связи с произведением О. де Бальзака «Шагренова кожа» (*La peau de chagrin*) [Назирова, 2014], который написан в русле социально-психологического реализма с элементами романтической фантастики. Происходящая дуэль, равно как и некоторые другие эпизоды «Героя нашего времени», является частью той «странной игры со смертью» [Raskol'nikov, 1995, p. 354], которую постоянно ведет протагонист в попытках найти ответы на мучающие его вопросы. О том, что дуэль – это игра, эксплицитно сообщает сам автор в заключительной реплике Печорина: «*Finita la comedia!*»¹⁵. Данное высказывание, отсылающее одновременно и к более современной М. Ю. Лермонтову фразе итальянских актеров (*È finita la commedia*), и к латинскому изречению (*Acta est fabula*), представляет жизнь и ее события как театральное действо.

Не менее явно в диалоге Печорина и Вернера М. Ю. Лермонтов объявил читателю и о начале разворачивающейся фатальной игры:

– Завязка есть! – закричал я в восхищении, – об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно *судьба заботится* о том, чтоб мне не было скучно.

– Я предчувствую, – сказал доктор, – что бедный Грушницкий будет вашей жертвой...¹⁶

Стоит подчеркнуть, что и в этом случае автор использует прием персонализации, представляя судьбу как способное к мотивированному действию живое существо. Аналогичным целям театрализации происходящего служит и высказывание секунданта Ивана Игнатьича: «*Натура – дура, судьба – индейка*¹⁷, а жизнь – копейка!», которое отсылает к популярным в то время народным поговоркам [Даль, 1862, с. 43, 275] и привносит в сцену дуэли элемент гротеска и скоморошества, передающийся при помощи персонализации абстрактных понятий *природа* и *судьба*.

Темы маскарада и социальных масок, получившие впоследствии развитие в произведениях русской психологической литературы, также иногда актуализируются Лермонтовым при помощи персонализаций: 1) «от этого бала зависел успех ее в модном свете... некстати пришитый бант, не на месте приколотый цветок мог навсегда *разрушить* ее будущее...»¹⁸; 2) «*бурка*, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, *не сходит* с его плеча»¹⁹. Несколько насмешливое наделение элементов одежды способностью к самостоятельному действию отражает идеи доминирования кодифицированных отношений, присущих социальной культуре первой половины XIX столетия.

В следующем контексте персонализация тоже выступает проводником авторского отношения к некоторым особенностям внутрисоциальных отношений: «Один только *кабинет* иногда *может разоблачить* домашние тайны, но кабинет также непроницаем для посторонних посетителей, как сердце»²⁰. Одушевление домашнего кабинета в совокупности со сравнением

¹⁵ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 331.

¹⁶ Там же. С. 271.

¹⁷ Там же. С. 329.

¹⁸ Там же. С. 187.

¹⁹ Там же. С. 350.

²⁰ Там же. С. 149.

(*непроницаем <...> как сердце*) позволяет передать ироничное отношение автора к довлеющим над человеком условностям светского общества. Однако здесь надо заметить, что М. Ю. Лермонтов сравнительно редко использует персонификацию для отображения существовавших общесоциальных проблем и иерархических отношений. Данный прием преимущественно служит для экспликации психологии личности героев и мотивации их поступков, а также формирования топической составляющей произведений.

В то же время следует согласиться с исследователями, которые полагают, что необходимо различать персонификацию и метонимию, поскольку в последнем случае референтом оказывается отдельный индивид или группа людей [Lecolle, 2002, p. 100–101]. Подобные употребления встречаются и в лермонтовской прозе.

Уподобляя по принципу смежности предметы одежды их обладателям, автор иронично деанимизирует последних, низводя людей до уровня кукол, действующих на подмостках светской жизни по строго предписанным правилам.²¹ Прочитаем: 1) «сталкивался он с какой-нибудь розовой шляпкой и, смутившись, извинялся; коварная розовая шляпка сердилась»²²; 2) «лакей посадил розовый салон в блестящий купе, потом вскарабкалась в него медвежья шуба»²³; 3) «и там, где мелькали прежде черные и белые султаны, там ныне чинно прогуливаются треугольные шляпы без султанов»²⁴.

Метафорическое мышление Лермонтова сочетает в себе синкретичность и многогранность, поэтому персонификация часто встроена в структуру сложных образов и иногда включает в себе затекстовые референции, в чем проявляется ее **интертекстуальная** функция. Одной из наглядных иллюстраций может служить приведенная выше фраза Ивана Игнатьича, отсылающая к народным паремическим выражениям. Реализацию этой функции можно наблюдать и следующем контексте: «идеи – создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует»²⁵.

Как справедливо отмечают исследователи, актуализация идей как живых существ содержит явную ссылку на уже упоминаемый роман О. де Бальзака «Шагреневая кожа» [Найдич, 1985, с. 203]. Весьма схожее суждение формулируется в романе французского автора дважды: в предисловии к первому изданию 1831 г. и во второй главе произведения, лейтмотивом которой выступают отношения Рафаэля де Валентена и эгоистичной, расчетливой светской львицы графини Федоры. Приведем оба фрагмента, предварительно отметив, что используемое О. де Бальзаком словосочетание *êtres organisés* обозначает органические, т. е. имеющие организменный уровень организации живой материи существа [Перевод, курсив наши – Е. С.]:

«La production des êtres organisés et des idées sont deux mystères incompris, et les ressemblances ou les différences complètes que ces deux sortes de créations peuvent offrir avec leurs auteurs prouvent peu de chose pour ou contre la légitimité paternelle»²⁶.

«Порождение живых существ и идей – две неразгаданные тайны, и то сходство или полное отличие, которые эти два вида творений имеют со своими прародителями, мало что говорят ‘за’ или ‘против’ их законного родства».

²¹ Поскольку создание эстетически гармоничного художественного образа иногда невозможно без эмоциональной оценки и привнесения элементов декоративности, мы не считаем целесообразным отдельно выделять эмоционально-оценочную и декоративную функции персонификации. По нашему мнению, они являются неотъемлемыми составляющими ее фигуративной, эстетической и людической функций.

²² Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 122–123.

²³ Там же. С. 138.

²⁴ Там же. С. 132.

²⁵ Там же. С. 294.

²⁶ Balzac H. La peau de chagrin. 1831. P. 8.

«Elle resta même un instant silencieuse quand je lui dis que nos *idées* étaient des *êtres organisés*, complets, qui vivaient dans un monde invisible, et influaient sur nos destinées»²⁷.

«Она даже на мгновение замолчала, когда я сказал ей, что наши идеи – это органические, целостные существа, обитающие в невидимом мире и влияющие на наши судьбы».

Вполне вероятно, что указанная референция на произведение О. де Бальзака была достаточно эксплицитной и для современников Лермонтова. Доказательством может послужить самый первый перевод романа «Герой нашего времени» на французский язык, который был выполнен близким родственником поэта А. А. Столыпина (Монго). Переводчик, в частности, представляет следующую интерпретацию процитированного выше лермонтовского фрагмента [Обратный перевод и курсив наши – Е. С.]:

«Les idées sont des créations organiques a dit quelqu'un; je complète cette pensée et j'ajoute que l'action est la forme de ces idées, la forme qu'elles reçoivent en naissant»²⁸.

«Идеи, – сказал кто-то, – создания органические; я довершаю эту мысль и добавляю, что действие – форма этих идей, та форма, которую они получают, рождаясь».

Переводческое решение содержит уточнение (*je complète cette pensée et j'ajoute que*), которое отсутствует в доступном для ознакомления оригинальном тексте, однако оно позволяет четко разграничить мысли Печорина и суждения, высказываемые в романе О. де Бальзака. Кроме того, примечательно, что заглавие второй главы «Шагреновой кожи» – *La femme sans cœur* (досл. 'Женщина без сердца') – находит свое отражение в романе «Княгиня Лиговская». Прочитываем (курсив наш – Е. С.): «натуральная история нынче обогатилась новым классом очень милых и красивых существ – именно классом *женщин без сердца*»²⁹. Это дополнительно подчеркивает заметное влияние произведений О. де Бальзака, в частности, романа «Шагреновая кожа» на творчество М. Ю. Лермонтова.

Другим весьма интересным примером интертекстуальной функции служит следующий фрагмент: «Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; *хороводы звезд* чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другою гасли»³⁰.

Как отмечает французский литератор и переводчица Дебора Леви-Бертера (Déborah Lévy-Bertherat) в комментарии к своему переводу «Героя нашего времени», вышедшему в 2003 г., выражение «хороводы звезд» заимствовано из 28-й строфы второй главы «Евгения Онегина» [Lévy-Bertherat 2003, p. 356]. Действительно, в произведении А. С. Пушкина присутствует данная персонификация: «Она любила на балконе / Предупреждать зари восход, / Когда на бледном небосклоне / Звезд исчезает хоровод, / И тихо край земли светлеет»³¹.

Однако мы полагаем, что рассматриваемый образ имеет более глубокие корни и может восходить к античному гимну в честь пришествия бога света Апполона (Ἦμος εἰς Ἀπολλῶνα). Это поэтическое произведение было хорошо известно как в России, так и в Европе по изданиям Ф. Якобса (1794 г.) и Ф. Беллермана (1840 г.) и послужило прототипом для созданного патриархом русской поэзии Г. Р. Державиным в 1797 г. произведения «Пришествие Феба»:

²⁷ Balzac H. La peau de chagrin. 1831. P. 306.

²⁸ Un héros du siècle ou Les russes dans le Caucase / Trad. du russe par A. A. Stolipine // Démocratie pacifique. Paris, 1843. 17 Oct.

²⁹ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 141.

³⁰ Там же. С. 223.

³¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 1977–1979. Т. 5. С. 42.

Ф. Якобс³²

σοὶ μὲν χορὸς εὐδῖος ἀστέρων
κατ' Ὀλύμπῳ ἄνακτα χορεύει,
ἄνετον μέλος αἰὲν ἀεῖδων,
Φοῖβῆϊδι τερπόμενος λύρα.

Ф. Беллерман³³

Σοὶ μὲν χορὸς εὐδῖος ἀστέρων
κατ' Ὀ[υ]λύμπῳ ἄνακτα χορεύει,
ἄνετον μέλος αἰὲν ἀεῖδων,
Φοῖβῆϊδι τερπόμενος λύρα.

Несмотря на имеющиеся в тексте гимна расхождения, данный фрагмент воспроизводится в обоих изданиях идентично и содержит такие лексемы, как *χορὸς*, *ἀστέρων* и *χορεύει*. Российский филолог Я. К. Грот в своем примечании к собранию сочинений Г. Р. Державина дает следующий подстрочный перевод процитированных строк: «Для тебя светлый хор звезд водит хороводы по царственному Олимпу, вечно возглашая свободную песнь, услаждаясь Фебовою лирой»³⁴.

Таким образом, можно прийти к выводу, что персонифицирующее переосмысление М. Ю. Лермонтова в равной мере отсылает как к «Евгению Онегину» А. С. Пушкина, так и к произведению античного автора. Кроме того, тот факт, что в других лермонтовских текстах («Вадим» и «Панорама Москвы») обнаруживаются схожие персонификации, но соотносимые с иными референтами (*облака* и *духи*), позволяет предположить, что в воображении Лермонтова присутствовал более широкий метафорический образ, чем тот, который создан в строфе «Евгения Онегина»: 1) «так иногда вечером *облака* дымные, багряные, лиловые гурьбой собираются на западе, свиваются в столпы огненные, *сплетаются* в фантастические *хороводы*»³⁵; 2) «и мнится, что бестелесные звуки принимают видимую форму, что *духи* неба и ада свиваются под облаками в один разнообразный, неизмеримый, быстро вертящийся *хоровод!*»³⁶.

Выявляемые в лермонтовской прозе персонифицирующие переосмысления отличаются определенной многослойностью и заметной сложностью их внутритекстовых и затекстовых отношений.

Наряду с этим совокупность всех вышеперечисленных функций персонификации обеспечивает на уровне целостного текста реализацию **композиционной** функции, которая способствует формированию образов персонажей и пространственных топосов и – как следствие – выстраиванию архитектоники анализируемых произведений.

Выводы

Языковое оформление лермонтовского нарратива отличается заметным присутствием персонифицирующих переосмыслений, которые формируют в прозаических текстах структурированное множество. Его главенствующими референтами являются человек, существующий в определенном социально-историческом контексте, и внешний, нерукотворный мир.

Изображая человека в разнообразии его психических и физических характеристик, персонификация выступает эффективным инструментом эстетической выразительности, который способствует созданию динамичных, разноракурсных художественных образов и привлекает внимание читателя к психологической составляющей произведений.

Размывая границы между человеком и природой, участвуя в образовании референций, персонифицирующие переосмысления позволяют выстроить философско-онтологическое измерение произведений, показывая увлекаемого страстями и желаниями человека как органическую принадлежность земного мира и существующего социума.

³² Цит. по: Сочинения Державина: в 9 т. СПб: издание Императорской Академии наук, 1863. Т. 2. С. 60.

³³ Bellermann F. Die Hymnen des Dionysius und Mesomedes, Text und Melodien nach Handschriften und den alten Ausgaben, Berlin: Albert Förstner, 1840. P. 26.

³⁴ Сочинения Державина: в 9 т. СПб: издание Императорской Академии наук, 1863. Т. 2. С. 61.

³⁵ Лермонтов М. Ю. Сочинения: Т. 6., 1957. С. 114.

³⁶ Там же. С. 369.

Вступая в сложные семантические отношения на уровне фразы, текста и затекстового пространства, персонифицирующие актуализации отражают когнитивную рецепцию автора и являются важным элементом его художественного стиля.

Наиболее значимыми функциями персонификации, выявленными нами в процессе исследования прозаических произведений М. Ю. Лермонтова, являются: 1) фигуративная (образная), 2) эстетическая, 3) людическая, 4) интертекстовая и 5) композиционная. Однако в целом подобное разделение носит достаточно условный характер, так как персонификация, по нашим наблюдениям, обычно выполняет в проанализированных текстах более одной функции.

Все перечисленные функции персонификации способствуют достижению художественного и концептуального единства произведений, а также выступают проводниками авторских интенций, что определяет перспективы дальнейшего, более углубленного исследования роли образных средств в построении внутренней структуры лермонтовской прозы.

Список литературы

- Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. 710 с.
- Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44. Лермонтов I. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 517–628.
- Зотов С. Н., Ефимов А. А. Игровое начало и его особенности в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2008. Вып. 4. с. 15–29.
- Зыкова И. В., Киосе М. И. Креативные возможности фразеологии в контрастивном ракурсе: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. Т. 19. № 3. С. 5–19. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-5-19
- Исупов К. Г. Метафизика игры у Лермонтова // Соловьевские исследования, 2015. Т. 1. Вып. 45. С. 92–102.
- Калинин О. И. Анализ метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. Т. 19. № 3. С. 110–121.
- Маркович В. М. К вопросу об эволюции лермонтовской прозы // Studia Filologiczne, 1982. Вып. 14. С. 41–72.
- Михайлова Е. Н. Проза Лермонтова. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957. 383 с.
- Москвин Г. В. Лирические источники поэтики романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2019. Вып. 3. С. 42–47.
- Назирова Р. Г. Мотив предрешенной дуэли у Бальзака, Лермонтова и Достоевского // Российский гуманитарный журнал, 2014. Т. 3. Вып. 5. С. 312–319.
- Найдич Э. Э. Еще раз о «Штоссе» // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 194–212.
- Перльмуттер Л. Б. Язык прозы М. Ю. Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М.: ОГИЗ; Гос. Изд-во худож. лит., 1941. С. 310–355.
- Савина Е. С. Юридическая лексика как средство выявления М. Прустом культурных кодов аристократии, буржуазии и народа // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. Т. 19. № 3. С. 98–109.
- Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. 701 с.
- Соловьева Е. А. Анималистические сравнения в переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Лингвистика, 2022. № 1. С. 124–135.

- Хёйзинга Й.** Homo ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
- Allen E. C.** A Fallen Idol Is Still a God: Lermontov and the Quandaries of Cultural Transition. Stanford: Stanford University Press, 2007. XII, 286 p.
- Bally Ch.** Traité de stylistique française. Vol. 1. Paris: C. Klincksieck, 1919. XX+331 p.
- Chapin Ch.** Personification in Eighteenth-Century English Poetry. New York: King's Crown Press, 1955. X+175 p.
- Fontanier P.** Les figures du discours. Paris: Flammarion, 1977. 505 p.
- Lakoff G., Jonson M.** Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
- Lakoff G.** The Contemporary Theory of Metaphor. In A. Ortony (Ed.), Metaphor and Thought. Cambridge University Press. 1993. Pp. 202–251.
- Landtsheer C. D.** Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: Metaphor and Discourse, pp. 59–78. London, Palgrave Macmillan UK, 2009.
- Lecolle M.** Personification et métonymie dans la presse écrite. Comment les différencier? // Semen, 2002. Vol. 15. No 2. Pp. 97–112.
- Lévy-Bertherat D.** Notes. In « Un héros de notre temps » de Mikhaïl Lermontov. Trad. du russe par D. Lévy-Bertherat. Paris : Flammarion, 2003. Pp. 353–362.
- Melion W. S., Ramakers B.** Personification: An Introduction. In Intersections: Interdisciplinary Studies in Early Modern Culture, 2016. Vol. 41. 755 p.
- Nishimura S.** Personification: Its Functions and Boundaries // Papers on Language & Literature, 2014. Vol. 50. No. 1. Pp. 90–108.
- Raskoi'nikov F.** «Фаталист» Лермонтова и проблема судьбы в Герое нашего времени. Revue des études slaves, 1995. Vol. 67, no 2/3. P. 353–363.
- Rubins M.** Russian Montparnasse: Transnational Writing in Interwar Paris. Springer, 2015. 302 p.

Список источников

- Даль В. И.** Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. Т. 1. М.: Изд. императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1862. 685 с.
- Лермонтов М. Ю.** Сочинения: в 6 т.; АН СССР. Ин-т рус. литературы. Т. 6. Проза. Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 900 с.
- Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10 т. АН СССР. Т. 5. «Евгений Онегин». Драматические произведения. Л.: «Наука», 1977–1979. 529 с.
- Сочинения Державина:** с объяснительными примечаниями [и предисловием] Я. К. Грота: в 9 т. Т. 2. СПб: издание Императорской Академии наук, 1863. 736 с.
- ЧСЯЛ** – Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 717–774.
- De Balzac H.** La peau de chagrin : roman philosophique. T. 1. Paris: Gosselin, 1831. 393 p.
- Bellermann F.** Die Hymnen des Dionysius und Mesomedes, Text und Melodien nach Handschriften und den alten Ausgaben. Berlin: Albert Förstner, 1840. 114 s.
- Stolipine A. A.** Un héros du siècle ou Les russes dans le Caucase / Trad. du russe par A. A. Stolipine. Paris, Démocratie pacifique, 1843. Sept. 29 – Nov. 4.

References

- Allen, E. C.** A Fallen Idol Is Still a God: Lermontov and the Quandaries of Cultural Transition. Stanford: Stanford University Press, 2007. XII, 286 p.
- Bally, Ch.** Treaty of French stylistics. Vol. 1, Paris: C. Klincksieck, 1919, XX+331 p.
- Bicilli, P. M.** Selected Works on Philology. M.: Nasledie, 1996, 710 p. (in Russ.)

- Chapin, Ch.** Personification in Eighteenth-Century English Poetry. New York: King's Crown Press, 1955, X+175 p.
- Fontanier P.** Figures of Discourse. Paris: Flammarion; 1977, 505 p.
- Huizinga, J.** Homo ludens. A Study of the Play-Element in Culture. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2011, 416 p.
- Isupov, K. G.** Game's metaphysics of Lermontov. Solovyov Research, 2015, vol. 1, no. 45, pp. 92–102. (in Russ.)
- Kalinin, O. I.** Metaphor Power of Military Doctrines in Russian, Chinese and American English. NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 110–121. (in Russ.)
- Lakoff, G., Jonson, M.** Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242 p.
- Lakoff, G.** The Contemporary Theory of Metaphor. In: Metaphor and Thought, Ed. A. Ortony Cambridge University Press, 1993, pp. 202–251.
- Landtsheer, C. D.** Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: Metaphor and Discourse. London, Palgrave Macmillan UK, 2009, pp. 59–78.
- Lecolle, M.** Personification and Metonymy in the Written Press. How to Differentiate Them? Semen, 2002, vol. 15, no. 2, pp. 97–112.
- Lévy-Bertherat D.** Notes. In: "A Hero of Our Time" by Mikhail Lermontov. Transl. from Russian by D. Lévy-Bertherat. Paris: Flammarion, 2003, pp. 353–362.
- Markovich, V. M.** On the Problem of Evolution of Lermontov's Prose. Studia Filologiczne, 1982, no. 14, p. 41–72. (in Russ.)
- Melion, W. S., Ramakers, B.** Personification: An Introduction. In Intersections: Interdisciplinary Studies in Early Modern Culture, 2016, vol. 41, 755 p.
- Mikhailova, E. N.** Lermontov's Prose. M.: Publishing House of Artists. Literature, 1957, 383 p. (in Russ.)
- Moskvin, G. V.** Lyrical sources of poetics Mikhail Lermontov's novel "Vadim". Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2019, no. 3, pp. 42–47. (in Russ.)
- Naiditsch, E. E.** Once Again about "Stoss". Lermontov's Collection. L.: Nauka, 1985, pp. 194–212. (in Russ.)
- Nazirov, R. G.** Motive of the Predetermined Duel in Novels by Balzac, Lermontov and Dostoevsky. Liberal Arts in Russia, 2014, vol. 3, no. 5, p. 312–319. (in Russ.)
- Nishimura, S.** Personification: Its Functions and Boundaries. Papers on Language & Literature, 2014, vol. 50, no. 1, p. 90–108.
- Perlmutter, L. B.** The Prose Language of M. Yu. Lermontov. Life and Work of M. Yu. Lermontov: Research and Materials: The First Collection. M.: OGIZ, 1941, pp. 310–355. (in Russ.)
- Raskol'nikov, F.** Lermontov's "Fatalist" and the Problem of Fate in the Hero of Our Time. Revue des études slaves, 1995, vol. 67, no. 2/3, pp. 353–363.
- Rubins, M.** Russian Montparnasse: Transnational Writing in Interwar Paris. Springer, 2015, 302 p.
- Savina, E. S.** Legal Vocabulary as Means of Revealing by Marcel Proust of the Cultural Codes of French Aristocracy, Bourgeoisie and Peasantry. NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3, p. 98–109. (in Russ.)
- Solovyeva, E. A.** Animal Similes in the Nineteenth-Century French Translations of Mikhail Lermontov's Novel "A Hero of Our time". Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2022, no. 1, pp. 124–135. (in Russ.) DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-124-135
- Solovyov, V. S.** Philosophy of Art and Literary Criticism. M., 1991. 701 p. (in Russ.)
- Vinogradov, V. V.** Lermontov's Prose Style. In: M. Yu. Lermontov. Literary Heritage. M.: Izd-vo AN USSR, 1941, vol. 43–44, pp. 517–628. (in Russ.)

- Zykova, I. V., Kiose, M. I.** Creativity of Phraseology in Contrast: Cinematic Discourse vs Discourse of Children's Literature. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 5–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-5-19
- Zotov, S. N., Efimov, A. A.** The Game Beginning and Its Features in the Novel by M. Yu. Lermontov "A Hero of Our Time". Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences, 2008, no. 4, pp. 15–29. (in Russ.)

List of Sources

- A Frequency dictionary of Lermontov's language. In: Lermontov Encyclopedia, Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. lit. Moscow, 1981, pp. 717–774.
- De Balzac, H.** La peau de chagrin: roman philosophique. T. 1. Paris: Gosselin, 1831, 393 p.
- Bellermann, F.** The hymns of Dionysius and Mesomedes, Text and Melodies Based on Manuscripts and the Ancient Editions, Berlin: Albert Förstner, 1840, 114 p.
- Dahl, V. I.** Proverbs of the Russian People: A Collection of Proverbs, Sayings, Utterances, Priests, Rhetoric, Jokes, Riddles, etc. Moscow Univ. Press, 1862, 685 p. (in Russ.)
- Derzhavin's works with explanatory notes by J. K. Grot: in 9 vol. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences typography, 1863, 736 p. (in Russ.)
- Lermontov, M. Yu.** Collected Works in 6 Volumes; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. literature (Pushkin house). Vol. 6. Prose. Letters. Moscow, Leningrad, 1957, 900 p. (in Russ.)
- Pushkin, A. S.** Complete Works: In 10 vol. Academy of Sciences of the USSR, vol. 5. «Eugene Onegin». Dramatic works, L.: «Nauka», 1977–1979, 529 p. (in Russ.)
- Stolipine, A. A.** Un héros du siècle ou Les russes dans le Caucase / Trad. du russe par A. A. Stolipine. Paris, Démocratie pacifique, 1843. Sept. 29 – Nov. 4.

Информация об авторе

Соловьева Евгения Анатольевна, канд. филол. наук, преподаватель кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Information about the Author

Evgeniya A. Solovyeva, Cand. Sci. (Philology), Lecturer, Department of Romance Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

Статья поступила в редакцию 21.03.2022;

одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 10.07.2022

The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 10.07.2022